

Для него история уже написана.
Ей еще лишь предстоит ее написать.

Г И Й О М
М Ю С С О

ЖИЗНЬ КАК РОМАН

Гийом Мюссо
Жизнь как роман
Серия «Поединок с судьбой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63374995
Жизнь как роман / Гийом Мюссо: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-115915-3

Аннотация

С известной писательницей Флорой Конвей происходит страшное – однажды после игры в прятки из ее квартиры в Бруклине бесследно пропадает маленькая дочь Кэрри. У полиции нет зацепок и версий. После долгих месяцев тревожного ожидания и странных совпадений сломленная горем Флора начинает подозревать, что за всей этой историей стоит некто, продумавший преступление до мелочей.

За океаном, в Париже, разбитый жизненными неурядицами и гриппом, романист Ромен Озорски замирает перед мерцающим голубым экраном, вдруг ощутив, что вымысел стал для него реальнее самой жизни. Он единственный знает ответы на самые страшные вопросы, и Флоре предстоит встретиться с ним лицом к лицу.

Содержание

Девушка в лабиринте	7
1. Прятки	7
2. Вранье на вранье	24
3. Тридцать шестое подземелье	38
4. Чеховское ружье	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Гийом Мюссо

Жизнь как роман

Натану

Суббота, 3 июня, 10.30 утра.

Нервно. Сегодня днем хорошо бы начать роман. Я готовлюсь к этому уже две недели. Десять последних дней прожил с моими персонажами, в их обстановке. Только что заточил четыре дюжины новых карандашей и, чтобы унять дрожь в руке, принял полтаблетки белладинала. Справлюсь ли? [...] Сейчас я трушу, меня, как водится, подмывает отложить эту затею на потом, а то и совсем бросить писать.

Жорж Сименон. Когда я был старым

Романистка Флора Конвей, уроженка Уэльса, – лауреат премии Франца Кафки

«Франс Пресс», 20 октября 2009 г.

39-летняя писательница, отличающаяся редкой скромностью, удостоена престижной премии, которая ежегодно присуждается одному писателю за совокупность его творчества.

Сама Флора Конвей, не скрывающая своей социофобии, нелюбви к толпам, путешествиям и журналистам, не появилась во вторник вечером в Праге и не участвовала в це-

ремонии вручения премии в городской ратуше.

Вместо нее награда – бронзовая статуэтка Франца Кафки и 10 тысяч долларов – была вручена ее издателю Фантине де Вилат. «Только что я говорила с Флорой по телефону. Она тепло вас благодарит. Эта премия принесла ей особую радость, ибо творчество Кафки для нее неисчерпаемый источник восхищения, раздумий и вдохновения», – заверила собравшихся мадам де Вилат.

Премия «Общества Франца Кафки» и Пражского муниципалитета присуждается с 2001 г. международным жюри. Среди ее лауреатов Филип Рот, Вацлав Гавел, Петер Хандке, Харуки Мураками.

Первый же роман писательницы «Девушка в лабиринте», вышедший в 2004 г., стал свидетельством авторских амбиций и сделал ее заметной фигурой на литературной сцене. Переведенная на двадцать языков и признанная критиками современной классикой, эта книга рассказывает о жизни нескольких ньюйоркцев накануне террористической атаки на Всемирный торговый центр. Все они сходятся в «Лабиринте», баре в Бауэри, где сама Флора Конвей до написания романа работала официанткой. За этим романом последовали еще два, «Равновесие Нэша» и «Конец чувств», закрепившие ее статус главной романистки начала XXI века.

В благодарственной речи Фантина де Вилат с радостью сообщила о скором выходе нового романа писательницы. Это известие произвело фурор в литературном мире, где

выход каждой новой книги Конвей становится событием.

Ее окружает аура загадочности. Флора Конвей не делает тайны из того, кто она такая, однако еще ни разу не появлялась на телеэкране и не участвовала в радиопередачах, а ее издательство предоставляет прессе одну-единственную фотографию писательницы.

Выход каждой своей книги романистка сопровождает лишь скудными интервью, которые дает по электронной почте. Мадам Конвей неоднократно заявляла о своем нежелании мириться с лицемерием и с ограничениями, связанными с известностью. Недавно она написала в «Гардиан» о своем отказе участвовать в ненавистном ей «медийном цирке», добавив, что именно ради «бегства из этого мира, набитого экранами, но лишенного мозгов» она и пишет романы.

Это настроение совпадает с жизненной траекторией других современных художников, таких как авторы уличных граффити Banksy и Invader, электромюзикальный дуэт Daft Punk или, например, итальянская писательница Элена Ферранте, для которой анонимность – способ поставить в центр творение художника, а не его самого. «Моя изданная книга самодостаточна», – подчеркивала Флора Конвей.

Некоторым наблюдателям хотелось бы, без сомнения, чтобы присуждение премии Кафки заставило писательницу покинуть ее нью-йоркскую нору. Увы, и на этот раз они остаются ни с чем.

Бландин Самсон

Девушка в лабиринте

1. Прятки

История, разворачивающаяся у нас под носом, должна быть самой понятной, но как раз с этим сложнее всего.

Джулиан Барнс

1.

Бруклин, осень 2010 г.

Полгода назад, 12 апреля 2010 года, у меня похитили мою трехлетнюю дочь Кэрри Конвей в тот момент, когда мы с ней вдвоем играли в прятки в моей квартире в Уильямсберге.

Был чудесный день, ясный и солнечный, какие часто выдаются весной в Нью-Йорке. По привычке я пешком сходила за Кэрри в школу «Монтессори» в парке Маккаррен. На обратном пути мы заглянули в магазинчик Марчелло и купили фруктовое пюре и вафельные трубочки с лимоном – все это Кэрри слопала, резвясь рядом со своей коляской.

В вестибюле нашего дома «Ланкастер Билдинг» (Бэри-стрит, 396) новый швейцар Тревор Фуллер Джонс, работавший меньше трех недель, дал Кэрри медовый леденец с кунжутом, взяв с нее слово не съедать сразу все. Потом он сказал, что ей очень повезло с мамой – сочинительницей романов, наверняка рассказывающей ей на сон грядущий разные чудесные истории. Я со смехом заметила, что раз он такое говорит, то точно не открывал ни одного моего романа, что он и подтвердил: «Это верно, на чтение мне не хватает времени, миссис Конвей». «Вы не уделяете времени чтению, Тревор, это разные вещи», – ответила я ему, пока не закрылись двери лифта.

Следуя нашему неизменному ритуалу, я приподняла Кэрри, чтобы она сама нажала кнопку последнего, шестого этажа. Кабина поползла вверх с железным лязгом, уже переставшим пугать нас обоих. «Ланкастер» – старое здание, где в разгаре ремонт. Это невероятный дворец с широкими окнами в обрамлении коринфских колонн. Когда-то он служил складом при фабрике игрушек, закрывшейся в начале 1970-х годов. Из-за деиндустриализации здание около тридцати лет простояло заброшенным, а потом, когда стало модно жить в Бруклине, его переделали в жилое.

Дома Кэрри первым делом сменила свои миниатюрные кроссовки на светло-розовые тапочки с помпонами. Наблюдая, как я ставлю в проигрыватель виниловую пластинку – вторую часть концерта соль мажор Равеля, – она хлопала в ладоши в ожидании музыки. Несколько минут, пока я развешивала белье, она цеплялась за мой подол, потом потребовала поиграть с ней в прятки.

Это была ее самая любимая игра, она ее буквально завораживала.

В первый год мы играли в «ку-ку»: Кэрри закрывала руками глаза, но растопыривала пальчики, чтобы видеть хоть что-то. На несколько секунд она теряла меня из виду, потом чудесным образом мое лицо снова появлялось в поле зрения, и она громко хохотала. Со временем Кэрри освоила принцип игры: пряталась за занавеской или под журнальным столиком. Но ее присутствие всегда выдавал носок ботиночка,

кончик локтя, колено. Иногда, если игра затягивалась, она даже начинала махать мне рукой, чтобы я скорее ее нашла.

С каждым месяцем игра усложнялась. Теперь Кэрри пряталась в других комнатах и делала это более изобретательно: замирала за дверью, залезала в ванну, забиралась под покрывало или под свою кровать.

Правила тоже менялись, игра превращалась в серьезное занятие.

Теперь, прежде чем начать ее искать, я должна была отвернуться к стене, закрыть глаза и громко сосчитать до двадцати.

Все это я проделала и в тот день, 12 апреля. Солнце тоже играло с нами в прятки: сияя позади небоскребов, оно заливало квартиру теплым, почти нереальным светом.

– Не жульничай, мама! – потребовала Кэрри, хотя я строго следовала ритуалу.

Закрыв в своей спальне глаза ладонями, я начала громко – не медля, но и не торопясь – отсчитывать:

– Один, два, три, четыре, пять...

Отчетливо помню топот ее тапочек по паркету. Кэрри выскользнула из спальни. Я слышала, как она пересекает гостиную, как двигает стильное кресло, стоящее напротив окна – огромной стеклянной стены.

– ...шесть, семь, восемь, девять, десять...

Погода была чудесная, я думала сразу обо всем и ни о чем, заколдованная доносившимися из гостиной хрустальными

звуками. Звучал мой любимый фрагмент – адажио, диалог английского рожка и фортепьяно.

– ...одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Длинная музыкальная фраза – чистый переливающийся жемчуг, некоторые изящно сравнивают ее с теплым дождем – мерным, неторопливым...

– ...шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать!

Можно открыть глаза.

2.

Я открыла глаза и вышла из спальни.

– Внимание, я иду искать!

Я выполнила все правила, со смехом исполнила партитуру, которой ждала от меня дочь. Переходя из комнаты в комнату, я комментировала игривым тоном все свои действия:

– Под подушками Кэрри нет... За диваном тоже нет...

По мнению психологов, игра в прятки имеет глубинный смысл: так ребенок экспериментирует с положительным восприятием разлуки. Повтор искусственного временного разлучения позволяет ребенку почувствовать прочность соединяющих его с родителями уз. Для этого в игре должна присутствовать подлинная драматургия, тогда можно за короткий отрезок времени испытать самые разные эмоции: воз-

буждение, ожидание, укол страха, сменяющийся радостью воссоединения.

Для полноценности этих переживаний нужно немного продлить удовольствие, не торопиться с развязкой. Чаще всего я, конечно, знала, где спряталась Кэрри, еще даже не открыв глаз. Но не в этот раз. После двух-трех театрализованных минут я решила больше не притворяться и приступила к настоящим поискам.

Хоть моя квартира и просторная – этакий стеклянный куб площадью двести квадратных метров в западном углу здания, – возможности прятаться в ней не безграничны. Я купила квартиру за несколько месяцев до этого, потратив все, что получила за продажу авторских прав. Программа реновации «Ланкастера» вызвала на рынке недвижимости острый интерес, и хотя работы были еще далеки до завершения, эта квартира оказалась последней, еще не обретшей владельца. Она понравилась мне при первом же просмотре, и я даже дала риелтору небольшую взятку, чтобы ускорить процесс покупки. Я велела снести все стены, кроме несущих, чтобы превратить квартиру в лофт с полами цвета светлого меда, и обставила ее в минималистском стиле. В нашу прошлую игру Кэрри придумала себе весьма изошренное убежище: спряталась за сушилкой в хозяйственном чулане.

Терпеливо, сдерживая поднимающееся раздражение, я искала ее по всем углам и закоулкам, за каждым предметом мебели. Пройдя их все, я начала поиски заново. В спешке я

зацепила дубовую этажерку с проигрывателем и пластинками, от толчка игла звукоснимателя выскочила из бороздки, и музыка прервалась. В комнате повисла тишина.

В этот момент у меня свело спазмом живот.

– Все, милая, ты выиграла. Сейчас же вылезай!

Я бросилась в коридор, чтобы проверить бронированную входную дверь, но она оказалась заперта на два оборота. В верхней замочной скважине на недостигаемой для ребенка высоте торчал ключ, вместе с ним на кольце поблескивал весь остальной комплект ключей.

– Кэрри, вылезай! Говорю же, ты выиграла!

Я очень старалась не терять голову, сдерживая накатывавшие волны паники. Кэрри не может находиться нигде, кроме дома. Ключ в двери, блокирующий цилиндр замка не позволил бы отпереть дверь снаружи даже дубликатом ключа. Окна в связи с работами по реновации были наглухо закрыты. Кэрри никуда не могла подеваться, более того, в квартиру никто не мог проникнуть.

– Кэрри! Говори, где ты!

Я задыхалась, как будто преодолела бегом половину Центрального парка, по-рыбьи разевала рот, но воздух не достигал легких. Этого не может быть. Нельзя просто так взять и пропасть в квартире, играя в прятки. Эта игра всегда кончается хорошо. Исчезновение – это временная символическая постановка. Иначе не может быть. Так прописано в ДНК самой игры: согласие на нее дается именно потому, что есть

твердая уверенность, что играющие друг друга найдут.

– Хватит, Кэрри! Мама недовольна.

Мама недовольна, а главное, ужасно напугана. В третий, если не в четвертый раз я проверила все тайники, потом принялась за самые невероятные места: корзину рядом со стиральной машиной, дымоход, забитый с незапамятных времен. Я сдвинула с места тяжелый холодильник, залезла даже в коробку с предохранителями, чтобы заглянуть под подвесной потолок, туда, где проложены трубы для кондиционирования воздуха.

– КЭРРИ!

От моего вопля, разнесшегося по всей квартире, задрожали оконные стекла. Но эхо стихло, и снова повисла тишина. Солнце спряталось, стало холодно. Казалось, без предупреждения началась зима.

Я застыла, вся в поту, с катящимися по щекам слезами. Взяв себя в руки, я увидела в прихожей розовую бархатную тапочку Кэрри и подняла ее с пола. Она была с левой ноги. Я стала искать вторую, но не смогла найти.

Тогда я решила вызвать полицию.

3.

Первым передо мной появился детектив Марк Рутелли из 90-го полицейского участка, обслуживающего северную часть Уильямсберга. Ему, похоже, оставалось совсем недол-

го до выхода на пенсию. Усталая походка и мешки под глазами не помешали ему сразу понять, что нельзя терять времени. Тщательно осмотрев квартиру, он вызвал подкрепление для обыска всего здания, потом приехала лабораторная бригада, двое пошли опрашивать обитателей «Ланкастера». Сам Рутелли стал просматривать записи камер наблюдения.

Пропажа тапочки сразу побудила его задействовать протокол «тревога-похищение», но полиция штата решила собрать другие улики, прежде чем давать добро на поисковую операцию.

Время шло, я не находила себе места. Я была совершенно растеряна, не знала, как помочь поискам, и сходила с ума от вынужденного бездействия. Позвонив своему редактору, я оставила на ее автоответчике сообщение: «Фантина, мне нужна твоя помощь, Кэрри пропала, ее ищет полиция, я не знаю, что делать, умираю от тревоги, скорее мне перезвони».

Скоро Бруклин объяла тьма. Кэрри так и не нашлась, хуже того, нью-йоркская полиция, как ни старалась, не могла обнаружить ее следов. Казалось, моя дочь испарилась, унесена во тьму кровожадным Лесным Царем, воспользовавшимся мгновением моей невнимательности.

В восемь вечера к ступенькам «Ланкастера», куда меня попросили спуститься полицейские, обыскивавшие принадлежавший мне отсек подвала, подъехала лейтенант Франсис Ричард, начальница детектива Рутелли.

– Мы поставили ваш телефон на прослушку, – сообщила

она мне, поднимая воротник плаща.

По перекрытой полицией Бэрри-стрит гулял ледяной ветер.

– Не исключено, что похититель или похитительница вашей дочери свяжется с вами, чтобы потребовать выкуп или с какой-нибудь еще целью. А пока вам придется проехать с нами в участок.

– Зачем? Как ее могли похитить? Дверь была...

– Это мы и пытаемся выяснить.

Я задрала голову. На фоне черного неба громоздилось наше здание. Что-то мне подсказывало, что Кэрри все еще там и что я сделаю ошибку, если уеду. Я оглянулась на Рутелли, надеясь на поддержку, но он занял сторону своей начальницы.

– Вам придется поехать с нами, чтобы точнее ответить на некоторые вопросы.

Выдержки из протокола допроса Флоры Конвей

Проведен в понедельник 12 апреля 2010 г. детективом Марком Рутелли и лейтенантом Франсис Ричард в помещении 90-го участка полиции, 211, Юнион-авеню, Бруклин, Нью-Йорк, 11211.

8.18 pm

Лейтенант Ричард (читая свои записи): По вашим сло-

вам, отца Кэрри зовут Ромео Филиппо Бергоми, он танцовщик в «Опера де Пари». Верно?

Флора Конвей: Он солист второго состава балета.

Детектив Рутелли: Как это понимать?

Флора Конвей: В иерархии Парижской оперы есть танцовщики-звезды, первые солисты, танцоры и солисты второго состава.

Лейт. Ричард: Хотите сказать, он неудачник?

Флора Конвей: Нет, просто отвечаю на ваш вопрос.

Лейт. Ричард: Мистеру Бергоми сейчас 26 лет?

Флора Конвей: Полагаю, вы навели необходимые справки.

Дет. Рутелли: Да, мы с ним связались, хотя это должны были сделать вы. Кажется, он сильно встревожился и срочно вылетает в Нью-Йорк. Завтра утром он будет здесь.

Флора Конвей: Первый случай, когда он тревожится за дочь. До сих пор он ею не занимался.

Дет. Рутелли: Вы на него злы?

Флора Конвей: Нет, меня это вполне устраивает.

Дет. Рутелли: Думаете, мистер Бергоми или кто-то из его окружения мог бы причинить вред Кэрри?

Флора Конвей: Не думаю, но ручаться не стала бы. Я плохо его знаю.

Лейт. Ричард: Вы не знаете отца своего ребенка?

8.25 pm

Дет. Рутелли: У вас есть враги, миссис Конвей?

Флора Конвей: Насколько я знаю, нет.

Дет. Рутелли: Есть, без сомнения, недоброжелатели. Кто бы мог затаить злобу на признанную романистку вроде вас? Может быть, менее удачливые коллеги?

Флора Конвей: У меня нет коллег. Я не хожу на завод или в офис.

Дет. Рутелли: Вы понимаете, что я хочу сказать. Люди читают все меньше, так? Хлебные местечки дороги, это неизбежно рождает между вами напряженность, зависть...

Флора Конвей: Может быть, но не до такой степени, чтобы похитить ребенка.

Лейт. Ричард: К какому жанру принадлежат ваши романы?

Флора Конвей: Не к тому, который предпочитаете вы.

Дет. Рутелли: А как насчет ваших читателей? Вы не замечали среди них совершенно сбрендивших поклонников, как в той истории, «Мизери», кажется? Не получали писем, мейлов от излишне навязчивых читателей?

Флора Конвей: Я не читаю письма от моих читателей, но этим, без сомнения, занимается мой редактор, спросите у нее.

Дет. Рутелли: Почему не читаете? Вам не интересно узнать, что они думают о ваших книгах?

Флора Конвей: Нет.

Лейт. Ричард: Почему?

Флора Конвей: Потому что читатели читают ту книгу, ко-

торию хотят читать, а не ту, которую вы написали¹.

8.29 pm

Дет. Рутелли: Писательский труд хорошо оплачивается?

Флора Конвей: Когда как.

Дет. Рутелли: Мы изучили ваши банковские счета. Не сказать, чтобы вы катались как сыр в масле...

Флора Конвей: Я потратила все свои авторские гонорары на покупку и ремонт своей квартиры.

Дет. Рутелли: Да уж, на такую квартирку ушла, наверное, уйма денег.

Флора Конвей: Для меня это важно.

Лейт. Ричард: Что именно вам важно?

Флора Конвей: Иметь стены, которые меня защитят.

Дет. Рутелли: Защитят от кого?

8.34 pm

Лейт. Ричард (читая сообщение «Франс Пресс»): Я видела, что о вас писала пресса. Знаю, сейчас это неуместно, но все равно поздравляю с присуждением премии Кафки.

Флора Конвей: Неуместно – это мягко сказано...

Лейт. Ричард: Итак, вы не поехали на вручение премии в Прагу, потому что, я цитирую сообщение, «страдаете соци-

¹ «Писатель пишет, что может, читатель читает то, что хочет». Альберто Мангель, цитата из интервью Х.Л.Борхеса журналу «Солей», 9.10.2010. (Здесь и далее примеч. авт.)

офобией». Это правда?

Флора Конвей: ...

Дет. Рутелли: Это правда, миссис Конвей?

Флора Конвей: Хотелось бы понять, что творится у вас в головах, если вы теряете время, задавая мне такие вопросы вместо того, чтобы...

Лейт. Ричард: Где вы были вчера вечером? Дома, с дочерью?

Флора Конвей: Вчера вечером меня не было дома.

Лейт. Ричард: А где вы были?

Флора Конвей: В Бушвике.

Дет. Рутелли: Можно поточнее?

Флора Конвей: В баре «Бумеранг» на Фредерик-стрит.

Лейт Ричард: Не странно ли ходить в бар, страдая социофобией?

Флора Конвей: Ладно, скажу: эту ерунду про социофобию сочинила мой редактор Фантина, чтобы оградить меня от встреч с журналистами и читателями.

Дет. Рутелли: Почему вы отказываетесь с ними встречаться?

Флора Конвей: Потому что моя работа заключается не в этом.

Дет. Рутелли: А в чем?

Флора Конвей: Писать книги, а не продавать их.

Лейт. Ричард: Что ж, вернемся в наш бар. Кто обычно приглядывает за Кэрри в ваше отсутствие?

Флора Конвей: Чаще всего няня. Бывает, что Фантина, если я в цейтноте.

Дет. Рутелли: А вчера вечером? Пока вы были в «Бумеранге»?

Флора Конвей: Няня.

Дет. Рутелли: Как ее зовут?

Флора Конвей: Понятия не имею. Я звоню в агентство, присылающее бебиситтеров. Каждый раз приходит новая.

8.35 pm

Дет. Рутелли: Что вы делали в баре «Бумеранг»?

Флора Конвей: То, что обычно делают в барах.

Дет. Рутелли: Выпивали?

Лейт. Ричард: Знакомились с мужчинами?

Флора Конвей: Это часть моей работы.

Дет. Рутелли: Ваша работа – пить?

Лейт. Ричард: И знакомиться с мужчинами?

Флора Конвей: Моя работа – бывать в разных местах, чтобы наблюдать за людьми, разговаривать с ними, стараться проникнуть в их внутренний мир и угадать их тайны. Это – горячее моего творчества.

Лейт. Ричард: С кем вы встречались вчера?

Флора Конвей: Не понимаю, какое это имеет отношение к...

Лейт. Ричард: Вы ушли из бара с женщиной, миссис Конвей?

Флора Конвей: Да.

Дет. Рутелли: Как его звали?

Флора Конвей: Хасан.

Дет. Рутелли: Хасан, а дальше?

Флора Конвей: Не знаю.

Дет. Рутелли: Куда вы пошли?

Флора Конвей: Ко мне.

Лейт. Ричард: Вы вступили с ним в сексуальную связь?

Флора Конвей: ...

Лейт. Ричард: Миссис Конвей, у вас был сексуальный контакт с незнакомцем, которого вы встретили за несколько часов до этого, в квартире, где спала ваша дочь?

8.46 pm

Дет. Рутелли: Пожалуйста, внимательно посмотрите эту видеозапись: она сделана камерой наблюдения в вашем здании, в коридоре шестого этажа.

Флора Конвей: Про камеру я ничего не знала.

Лейт. Ричард: За решение установить камеры проголосовало полгода назад собрание жильцов. Безопасность «Ланкастера» значительно укрепили после приобретения квартир в комплексе состоятельными людьми.

Флора Конвей: В ваших устах это звучит как критика.

Дет. Рутелли: Камера четко показывает дверь вашей квартиры. Вот здесь видно, как вы приводите Кэрри после школы. Видите, время внизу экрана: 15.53? Дальше – ни-

чего. Я просмотрел запись в ускоренном режиме. До моего прихода к вам в 16.58 к вашей двери никто не приближался.

Флора Конвей: Что я вам говорила!

Лейт. Ричард: Здесь что-то не так. Думаю, вы не говорите нам всей правды, миссис Конвей. Если никто не входил в квартиру и не выходил из нее, значит, ваша дочь по-прежнему там.

Флора Конвей: Так НАЙДИТЕ ЕЕ!

[Я поднимаюсь из кресла и вижу свое отражение в зеркале: бледное лицо, светлые волосы, белая блузка, джинсы. Чувствую потребность сказать себе, что такой и останусь.]

Лейт. Ричард: Сядьте, миссис Конвей! Мы не закончили. У нас еще остались к вам вопросы.

[Я мысленно твержу, что выстою. Что я уже сталкивалась с враждебностью. Что выжила. И что этот кошмар рано или поздно кончится. И что...]

Дет. Рутелли: Пожалуйста, сядьте, миссис Конвей.

Лейт. Ричард: Черт, у нее обморок. Не стойте столбом, Рутелли. Позовите кого-нибудь. Только этого нам не хватало, проклятие!

2. Вранье на вранье

Разговаривая с писателями, всегда помните, что это ненормальные люди.

Джонатан Коу. Интервью газете «Монд»

2 августа 2019 г.

1.

Ровно полгода назад, 12 апреля 2010 года, мою трехлетнюю дочь Кэрри похитили, когда мы с ней играли в прятки в моей квартире в Уильямсберге.

После обморока на допросе в полицейском участке я очулась в палате Бруклинской центральной больницы, где лежала несколько часов под охраной двух агентов ФБР. Делом занялось нью-йоркское отделение Бюро. По словам одного из агентов, квартиру в это время потрошила целая бригада, так что если Кэрри все еще там, ее обязательно найдут. Меня повторно допросили, я снова оказалась под огнем вопросов, чувствуя себя так, словно вся проблема заключается во мне самой. Словно я владела разгадкой, словно знала, что стряслось с Кэрри.

Как только ко мне вернулись силы, я попросила отпустить меня из больницы и спряталась у своего редактора Фантины де Вилат. Я провела у нее неделю, дожидаясь, когда мне поз-

волят вернуться в «Ланкастер».

2.

С того дня расследование не продвинулось ни на йоту. Месяц за месяцем я провожу дни в медикаментозном тумане. В отчаянном ожидании, что произойдет хоть что-то: обнаружат улику, арестуют подозреваемого, получают требование выкупа. Жду даже появления копа, который сообщит, что найдено тело моей дочери. Это безнадежное ожидание хуже всего остального. Все что угодно, лишь бы не эта пустота.

В любое время дня и ночи у ступенек «Ланкастера» кто-нибудь дежурит с камерой: хотя бы один фотограф, а чаще кучка журналистов, готовых сунуть мне под нос микрофон. Ушла в прошлое суматоха первых дней, когда меня караулили десятки репортеров, но и оставшихся хватает, чтобы отбить у меня охоту высовываться наружу.

Так называемое «дело Кэрри Конвей» перешло в разряд «происшествий, всколыхнувших всю Америку» – такова заезженная формулировка, которую информационные каналы вбивают в головы зрителям. Миновали уже все этапы: «новая загадка желтой комнаты», «трагедия, достойная Хичкока», «Агата Кристи, версия 2.0», не говоря об отсылках к Стивену Кингу, неизбежных из-за имени моей дочери, и о самых невероятных теориях, кочующих по социальным сетям.

С первого же дня люди, никогда обо мне не слышавшие, не читавшие ни одной моей книги и вообще никогда не державшие в руках книгу, бросились раскапывать в моих прежних романах зашифрованные фразы, разнимать их на части и громоздить теории одна другой смехотворнее. С моей жизни и с жизни тех, с кем я пересекалась, эти стервятники, любители жареного, тщатся содрать все покровы. Как я поняла, вывод у них один: в исчезновении дочери виновата я сама.

Бессовестные писаки – худшие из судей. Они не затрудняют себя никакими доказательствами, никакими размышлениями, для них не существует нюансов. Цель поиска – не истина, а зрелище. При этом стесываются углы, на свет вытаскивается все самое анекдотичное, ведь жадная до зрелищ толпа легко соблазняется картинкой, ее не отвращает лень прессы, они одурачены и поработаны щелчками объектива. Исчезновение моей дочери – уничтожившая меня драма – сводится к вульгарному развлечению, поводу для словоблудия и зубоскальства. По правде говоря, таким подходом грешит не только желтая пресса. Ему охотно отдают предпочтение каналы и издания, мнящие себя серьезными. Как и все прочие, их авторы охотно купаются в грязи с хрюкающими свиньями, с той лишь разницей, что не намерены в этом признаваться. Забыв всякий стыд, они выдают вуайеризм за «расследование». Это волшебное слово они считают оправданием своих мерзких атак.

Травля превращает меня в заключенную, запертую в стек-

лянном кубе на шестом этаже. Фантина много раз предлагала мне перебраться к ней, но я не устаю повторять себе, что если Кэрри вернется, то только сюда, домой, в нашу квартиру.

Последнее мое убежище, моя отдушина – обустроенная крыша здания: раньше там была площадка для игры в бадминтон. От нее остались бамбуковые кресла и, конечно, круговая панорама Манхэттена и Бруклина. Город кажется отсюда далеким и одновременно близким, выставляющим напоказ мельчайшие детали: обьятые паром канализационные люки, разноцветные блики стеклянных фасадов, чугунные пожарные лестницы, цепляющиеся за фасады из рыжего песчаника.

Я поднимаюсь сюда по несколько раз в день, чтобы отдышаться. Случается, лезу по шаткой железной лестнице еще выше, к цистерне с водой, питающей «Ланкастер». Оттуда открывается и вовсе головокружительный вид. За ваше внимание борются небо и пустота. Стоит опустить глаза – и возникает соблазн спрыгнуть, напоминание о том, что никогда в жизни я не умела строить ни семейных, ни дружеских отношений.

Единственной моей связью с миром была Кэрри. Если ее не найдут, то, знаю, наступит день, когда я брошусь в пустоту. Это записано где-то в книге времен. Каждый день я забираюсь на нашу водокачку и определяю, наступил этот день или еще нет. До сих пор натянутая нить надежды удерживает.

живала меня от последнего шага, но дочери все нет, и я боюсь, что моему терпению скоро придет конец. У меня в голове теснятся самые противоречивые мысли. Ночь за ночью я резко просыпаюсь, задыхаясь, вся в поту, бесполезная, как соскочившая велосипедная цепь. В памяти образ Кэрри уже бледнеет. Чувствую, она начинает от меня ускользать. Ее лицо утрачивает отчетливость, я больше не могу вспомнить ее мимику, выражение ее глаз, ее голос. Почему так происходит? Из-за выпивки, успокоительного, антидепрессантов? Главное не это, а то, что я теряю ее во второй раз.

Как ни странно, единственный, кто обо мне беспокоится, – это Марк Рутелли. Три месяца назад он вышел на пенсию и с тех пор каждую неделю меня навещает, чтобы держать в курсе собственного расследования, пока что замершего в мертвой точке.

А еще есть мой редактор Фантина.

3.

– Я настаиваю, Флора: ты обязана отсюда съехать.

На часах четыре. Сидя на высоком кухонном табурете с чашкой чая в руке, Фантина де Вилат в который раз убеждает меня в необходимости переезда.

– Ты сможешь снова стать собой только на новом месте.

На ней цветастое платье с запахом, черная косуха, рыжие кожаные сапоги на высоком каблуке. Волосы цвета красного

деревя, перехваченные широкой заколкой с жемчугом, пере-
ливаются на осеннем солнце.

Чем дольше я на нее смотрю, тем сильнее мне кажется, что вижу саму себя в зеркале. Несколько лет издательского успеха преобразили Фантину. Раньше она была сдержанна и незаметна, а теперь обрела уверенность и привлекательность. Теперь она больше говорит сама, чем слушает собеседника, и все хуже переносит, когда ей перечат. Мало-помалу она превратилась во вторую версию меня. Одевается как я, переняла мою жестикуляцию, мои шутки, мои ужимки, даже закладывает за ухо прядь волос совсем как я. Сделала себе справа на шее – там же, где у меня, – небольшую татуировку в виде ленты Мёбиуса. Чем больше меркну я, тем полнее расцветает она, чем больше я погружаюсь во тьму, тем ярче она сияет.

Я познакомилась с Фантиной семь лет назад в Париже, в парке при особняке Соломона Ротшильда, на приеме по случаю выхода нового романа одной из звезд американской литературы.

Я покинула Нью-Йорк на несколько месяцев ради путешествия по Европе и зарабатывала на переезды мелкой подработкой. В тот вечер я обносила гостей бокалами с шампанским. Фантина была в то время помощницей ассистентки директора крупного издательства. Иными словами, никем. Люди смотрели сквозь нее и толкали, не замечая. Мисс Целлофан, просившая прощения за свое существование и не

знавшая, что делать со своим телом и взглядом.

Одна я ее увидела. Потому что в душе я романтик. Потому что это моя изюминка, единственный, наверное, мой талант, во всяком случае, это то, что у меня получается лучше, чем у остальных: находить в людях что-то, о чем они сами знать не знают. Она владела английским, и мы обменялись парой слов. Я разглядела в ней двойственность: презрение к среде, в которой она находилась, и при этом острую потребность к ней принадлежать. Я заметила, что она тоже что-то во мне почуяла; мне было в ее обществе хорошо, и я даже сказала ей, что дописываю роман «Девушка в лабиринте» – историю нескольких ньюйоркцев, сталкивающихся в роковую дату 10 сентября 2001 года в баре в Бауэри.

– «Лабиринт» – название бара, – сочла я нужным уточнить.

– Обещайте, что я буду первой, кому вы пришлете ваш роман!

Через две-три недели я отправила ей по электронной почте законченную после возвращения в Нью-Йорк рукопись. Десять дней не приходило ни ответа, ни даже уведомления о получении. Зато как-то сентябрьским днем Фантина позвонила в дверь моей нью-йоркской квартиры. Я тогда жила в крохотной студии в квартале «Адская кухня», в запущенном доме на 11-й авеню, откуда открывались, правда, сногшибательные виды на Гудзон и на берег Нью-Джерси. Облик Фантины, какой она предстала передо мной в тот день, засел

у меня в памяти: серо-бежевый плащ, очки отличницы и чемоданчик банкирши. Она с ходу заявила, что в восторге от «Девушки в лабиринте» и хочет ее издать, но не там, где работает: она задумала создать свое собственное издательство – идеальный инструмент для публикации моего романа. Я поделилась с ней своим скепсисом, а она в ответ достала из портфеля картонную папку с только что одобренным запросом банковского кредита. «Я раздобыла средства на запуск собственного дела, Флора. Сил для этого мне придал твой текст». И, сверкая глазами, она добавила: «Если ты мне доверяешь, я обещаю бороться за твою книгу до последнего вздоха». А так как я не видела разницы между своей книгой и собой, то услышала ее слова как «обещаю бороться до последнего вздоха за ТЕБЯ». Мне впервые говорили такое, и я поверила в ее искренность. Я уступила ей права на издание моего романа во всем мире.

Фантина сдержала слово и повела за мою книгу беззаветный бой. Не прошло и месяца, как права на «Девушку в лабиринте» были проданы на Франкфуртской книжной ярмарке в более чем двадцать стран. В Штатах роман вышел в издательстве Knopf с рекламной похвалой Марио Варгаса Льюсы, утверждавшего, что роман «высечен из той же горной породы», что его шедевр «Разговор в «Соборе». Звездный критик литературного раздела «Нью-Йорк таймс», внушающая всем ужас Мишико Какутани, оценила стиль романа «как неровный, но дерзкий» и обнаружила в нем «жизненные фрагмен-

ты, складывающиеся в захватывающий портрет умирающего мира».

Машина завелась и понеслась. «Девушку в лабиринте» читали все. Не всегда из любви к литературе и часто не понимая, о чем книга. Это был механизм, гарантировавший успех.

Другой гениальной затеей Фантины было сделать меня недоступной для прессы. Вместо того чтобы сетовать на мой отказ появляться на людях, она превратила его в коммерческий рычаг. Единственная моя фотография, которой она соглашалась поделиться, – черно-белая и немного загадочная, на ней я похожа на киноактрису Веронику Лейк. Я давала интервью только по электронной почте журналистам, с которыми никогда не встречалась, не подписывала своих книг в книжных магазинах, университетах и библиотеках. Я резко отличалась от писателей, раскрывавших подробности своей личной жизни и бесконечно мелькавших на телеэкране: моя медийная аскеза делала меня неповторимой. Во всех статьях я фигурировала как «неуловимая» и «загадочная» Флора Конвей. Мне это очень шло.

Я написала второй роман, потом третий, за который была награждена литературной премией. Благодаря этому успеху парижское издательство Фантины де Вилат приобрело всемирную известность. Фантина издавала и других авторов. Некоторые пытались писать «под Флору Конвей», некоторые – как угодно, только не как Флора Конвей, но все так

или иначе позиционировали себя относительно меня. Это меня тоже устраивало. В Париже весь Сен-Жермен-де-Пре обожал «Фантину» – издательство, публиковавшее «изысканную литературу», – и его владелицу, защитницу мелких книжных магазинов и своих авторов. Фантина, Фантина, Фантина...

Между нами наметилось серьезное непонимание: Фантина всерьез считает, что она меня «открыла». Иногда она даже рассуждает о «наших книгах», когда разговор заходит о МОИХ романах. Полагаю, так рано или поздно случается со всеми издателями. Но давайте по-честному: откуда у нее деньги на собственную квартиру в Сен-Жермен-де-Пре и на загородный дом в Кейп-Код, на аренду квартиры в Сохо?

Когда я носила Кэрри, жизнь впервые показалась мне интереснее писательства. После ее рождения это ощущение сохранилось и даже усилилось. Теперь меня все больше захватывала реальная жизнь, потому у меня появилась в ней более активная роль и меньше поводов прятаться от реальности.

Когда Кэрри исполнился год, Фантина призналась, что обеспокоена тем, как продвигается мое очередное сочинение. Я ответила, что не отказываюсь писать романы, просто собираюсь сделать перерыв.

– Неужели ты готова загубить свой талант из-за ребенка? – повысила она голос.

Я ответила, что уже приняла решение, что мои приоритеты изменились и что я намерена посвящать свою энергию в

большей степени своей дочери, нежели новым книгам.
Этого Фантина терпеть не собиралась.

4.

– Чтобы выбраться из своей черной дыры, ты должна снова начать писать.

Фантина ставит свою чашку на стол и подкрепляет сказанное резким движением плеч.

– Ты беременна еще тремя-четырьмя книгами. Моя задача – помочь тебе произвести их на свет.

Она нечувствительна к моим страданиям, она уже давно перевернула страницу исчезновения Кэрри и даже не соизволит прикидываться.

– Как же мне их написать? Я – сплошная открытая рана. Я просыпаюсь по утрам с желанием раствориться в воздухе. Я убегаю в гостиную, но она настигает меня и там.

– Это и есть твоя писательская почва. Многие художники теряли детей, и это не мешало им творить.

Фантина меня не понимает. Утрата ребенка – не то переживание, преодоление которого делает сильнее. Это страдание, раскалывающее вас, как топор полено. От него вы просто валаетесь на поле боя без малейшей надежды, что рана в конце концов затянется. Знаю, она не желает этого слышать, поэтому я стараюсь зарубить тему на корню.

– У тебя нет детей, следовательно, ты лишена права голо-

са.

– Я о том и толкую: меня интересует твой голос, а не мой. Под влиянием горя создавались шедевры самых разных жанров.

Стоя против света, перед стеклянной стеной, она принимается перечислять:

– Гюго написал «Завтра на рассвете» вскоре после смерти дочери, Дюрас написала «Боль», используя свои черновики военного времени, «Зримая тьма» Стайрона появилась, когда он выходил из пятилетней депрессии, а уж...

– Прекрати!

– Писательство было твоей спасительной соломинкой, – гнет она свое. – Если бы не твои книги, ты бы по сей день обслуживала пьяниц в «Лабиринте» или где-нибудь еще... Ты бы осталась той же, кем была, когда пришла ко мне: девушкой без гроша в кармане, так бы и якшалась с панками и вообще...

– Не переписывай историю, это ты пришла ко мне, а не наоборот!

Мне известна ее манера: наносить удары, чтобы я встряхнулась. Было время, когда это давало результат, но сегодня она ничего не добьется.

– Послушай, Флора, ты там, где всегда хотела быть. Помнишь, как в четырнадцать лет ты читала в городской библиотеке Кардиффа Джордж Элиот и Кэтрин Мэнсфилд? Ты мечтала стать той, кем теперь стала: загадочной романист-

кой Флорой Конвей, чью новую книгу ждут читатели во всем мире.

Утомленная ее речами, я падаю на диван. Фантина роется на моих книжных полках. В конце концов она находит искомое: старый номер журнала «Нью-Йоркер» с каким-то из моих интервью.

– Ты сама здесь все время повторяешь: «Сочинительство позволяет держать на расстоянии беду. Если бы я не создала целый собственный мир, то наверняка умерла бы в чужом».

– Похоже, я позаимствовала фразу в «Дневнике» Анаис Нин.

– Неважно. Хочешь ты этого или нет, в конце концов ты опять станешь писать. Потому что без этого ты не можешь жить. Скоро ты вернешься к своему ритуалу: будешь задерживать занавески, охлаждать кондиционером комнату, заводить тухлый джаз, курить сигарету за сигаретой, как скучающий пожарный, и...

– Нет!

– Ничего не выйдет, Флора. Книги сами решают, что ты их напишешь, а не наоборот.

Иногда мне кажется, что никакой Фантины на самом деле не существует, что это просто голос у меня в голове. То Сверчок Крикет, то мистер Хайд, бурный водоворот провокационных или противоречивых мыслей. Я не реагирую, и она опять атакует:

– Боль – лучшее горючее для писателя. Возможно даже,

что настанет день, когда ты скажешь себе, что исчезновение Кэрри было удачей.

Я не даю ей отпор. Я затухаю, все слабее чувствую гнев. Все, что я способна ей ответить, это:

– Я хочу, чтобы ты ушла.

– Я уйду, но сначала преподнесу тебе сюрприз.

Она достает из своей кожаной плетеной корзинки какую-то коробочку.

– Оставь это себе. Не люблю твои сюрпризы.

Не обращая внимания на мои слова, она ставит свой подарок на стол.

– Что это?

– Начало решения. – И она убегает, хлопнув дверью.

3. Тридцать шестое подземелье

Поддерживайте в себе опьянение сочинительства, и разрушительная реальность будет против вас бессильна.

Рэй Брэдбери. Дзен в искусстве написания книг

1.

Сейчас проблема была в том, что с той секунды, как Фантина подсказала мне эту проклятую мысль о сигарете, я мучилась желанием закурить. Я нашла на кухне начатую пачку, которую сама припрятала на верхней полке как раз для такого случая.

Я зажгла сигарету и сделала три нервные затяжки, прежде чем подойти к столу и разглядеть «подарок» Фантины – скорее всего, отравленный. Это была квадратная деревянная коробочка высотой сантиметров десять. Красная крапчатая крышка переливалась, как чешуйчатая змеиная кожа. Еще не открыв ее, я догадывалась, что внутри: фирменная авторучка. У Фантины было романтическое представление о писательском ремесле. Она всерьез думала, что я пишу свои черновики перьями Caran d’Ache в блокнотах из «чертовой кожи», купленных на Кристофер-стрит. Она часто дарила

мне дорогие ручки в честь выхода новой книги или договора на новый перевод.

Ну нет, подруга, так это не работает.

Да, прежде чем засесть за роман, я исписывала сотни страниц набросками в копеечных блокнотах из киоска на углу, пользуясь простейшими шариковыми ручками Bic Cristal. Это только в кино и в рекламе романы пишут ручками «Монблан» длиной с предплечье.

Я открыла коробочку. Там лежала старинная ручка и флакончик чернил, милейшая модель Dunhill Namiki 30-х годов с золотым пером и с черным лакированным корпусом с перламутровой инкрустацией в японском стиле: золотые листочки, яичная скорлупа. Рядом с пером вилась волнообразная вязь, переходившая ближе к резервуару для чернил в переплетенные веточки цветущей вишни – прославленной сакуры, символа хрупкости нашего существования.

Я извлекла ручку из коробки. Она была прелестна, настоящее произведение искусства, но безнадежно устарела. Я представила себе, как подобной ручкой пользуется, грызя шоколадки – или скорее прикладываясь к джину или к водке – Зельда Фитцджеральд или Колетт. Из корпуса ручки торчал перламутровый рычажок. Я потянула за него и погрузила перо во флакончик, чтобы наполнить резервуар густыми чернилами с бронзовым отливом.

Потом я перешла с полной ручкой к кухонному столу. Несколько секунд я убеждала себя, что заварю себе чай, хотя

прекрасно знала, что в конце концов у меня в руках окажется бутылка Мерсо из винного погребка. Налив себе бокал, я стала смаковать вино маленькими глотками, нашаривая при этом рукой школьную тетрадку, в которой когда-то записывала кулинарные рецепты. Она завалилась среди поддонов для духовки. Листая тетрадь, я убедилась, что не зашла в своих кулинарных изысканиях дальше блинчиков «Сюзет» и запеканки «Дофине». Отвинтив колпачок, я для пробы расписалась на чистой странице. Перо приятно заскользило по бумаге, роспись получилась лучше не придумаешь, поступление и расход чернил не вызвали нареканий.

2.

«Терпеть не могу утешительную литературу», – привычно повторяла я в интервью. Иногда к этому я добавляла: «Никогда не считала задачей литературы улучшать или исправлять мир. И вовсе не для того пишу, чтобы после чтения моих книг читателям полегчало»².

Я говорила так только потому, что этого от меня ждали. Вернее, этого ждали от персонажа по имени Флора Конвей, который я соорудила на пару с Фантиной. Этого ждали от так называемого серьезного писателя: защиты идеала эстетического, интеллектуального сочинительства, цель которого ис-

² См. Александр Гефен. Исправить мир: французская литература перед лицом XXI столетия.

черпывается формой. Этот персонаж прячется за цитатой из Оскара Уайльда: «Книги написаны либо хорошо, либо плохо, вот и все»³.

На самом деле во всем этом я не верила ни одному слову. Я всегда была диаметрально противоположного мнения. что главная сила художественной литературы – это ее умение помочь нам отрешиться от происходящего, перевязать раны, нанесенные окружающей жестокостью. Я устояла на диковину Dunhill Namiki. Я долго придерживалась железного убеждения, что пишущая ручка сродни волшебному кольцу. Я искренне, без ложной наивности в это верила. Для меня это работало, как было не поверить! Слова стали кубиками Lego, из которых я терпеливо строила альтернативный мир. За своим рабочим столом я была царицей вселенной, так или иначе подчинявшейся моей воле. У меня было право карать и миловать моих персонажей, искоренять пороки, даровать прощение тем, кто его заслуживал, выносить, ни перед кем не оправдываясь, приговоры по моим собственным нравственным законам, действовавшим на тот момент. У меня вышли три книги, в голове вызревал еще десяток. Мне рисовался воображаемый мир, где я проводила почти столько же времени, сколько в реальном мире.

Но теперь этот мир стал мне недоступен. Волшебное кольцо превратилось в бесполезное украшение, бессильное справиться с отсутствием трехлетней девочки. Снова вступила в

³ Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

свои права болезненная реальность, предъявившая мне счет за попытки вырваться из ее оков.

Я налила себе второй бокал, потом третий. Алкоголь плюс транквилизаторы – лучший коктейль для погружения в беспамятство.

Вокруг меня сгустился сумрак усталости и растерянности. *«Возможно даже, что настанет день, когда ты скажешь себе, что исчезновение Кэрри было удачей».*

В голове звенела эта непристойная реплика Фантины. Оставшись одна, я уже не старалась сдерживать слезы. Спор не прошел бесследно. Как она смеет думать, что вот так, щелкнув пальцами, можно опять посадить меня за работу? Чтобы писать, нужен мощный прилив энергии. Нужны физические и моральные силы. Но мой корабль черпал воду всеми бортами. Для написания романа необходимо глубоко погрузиться в себя, добраться до потайного места, прозванного мной «тридцать шестым подземельем»⁴. Там залегают самые дерзкие мысли, там сверкают молнии озарения, там обитают души моих персонажей, там высекается творческая искра. Но тридцать шестое подземелье – враждебная территория. Чтобы обмануть ее стражей и снова подняться наверх невредимой, нужны ресурсы, которых у меня больше нет. Осталась только неизбывная боль, с утра до вечера прожигающая мои вены. Я не могла и не хотела писать. У меня оста-

⁴ «Писать – все равно что спускаться на второй подвальный этаж своей души». – Харуки Мураками, лекция в университете Киото, 6 мая 2013 г.

валось единственное желание: снова увидеть дочь. Даже если это будет последняя наша встреча.

Поэтому из-под нового пера хлынула в тетрадку с рецептами мантра:

Хочу снова увидеть Кэрри
Хочу снова увидеть Кэрри
Хочу снова увидеть Кэрри

Последний бокал Мерсо. В тот вечер я даже сильнее, чем прежде, чувствовала полное отчаяние. Я находилась на грани безумия, в шаге от самоубийства. Попыталась дотащить себя через силу, шатаясь, до спальни, но рухнула как подкошенная на пол посреди кухни.

Я закрыла глаза, и тьма увлекла меня в свою крутящуюся воронку. Я плыла по серому небу. Вокруг меня клубились мрачные тучи. Потом в тумане проступила дверь лифта. В кабине нашлась одна-единственная кнопка. Тридцать шестое подземелье.

3.

И вдруг передо мной предстала Кэрри. Живая и невредимая.

Был солнечный зимний день в детском сквере Маккаррен-парк, рядом с ее школой.

– Мама, лови меня! Я еду! – донеслось с горки.

Она заскользила вниз по желобу. Я сгребла ее в охапку, и у меня скрутило живот. Меня обдало теплом ее волос и шеи. Пьянящий запах, завораживающий смех, жаркие объятия.

– Хочешь мороженого?

– Слишком холодно, лучше хот-дог!

– Как скажешь.

– Идем, скорее! – Она уже тянула меня за руку.

Дату, когда это происходило, трудно было назвать, но перед церковью Преображения еще лежало немного снега. Не то январь, не то февраль этого года. Кэрри потащила меня к тележке с хот-догами. Я купила ей булочку, и она стала уплетать ее, пританцовывая в ритме старомодной мелодии рэгги, лившейся из огромной магнитолы, водруженной парнями со скейтбордами на бетонную ступеньку.

Я любовалась танцующей дочкой в клетчатой юбочке, черных колготках, плаще цвета морской волны и перуанском берете. Мне передавалось ее веселье, ее энергия, ее заразительное жизнелюбие, перевернувшие мою жизнь, вдохнувшие в меня новые силы.

4.

Около семи часов утра я разомкнула веки. Сон был, должно быть, тяжелым и беспокойным, однако ночь пролетела как один выдох. Во сне меня навестила Кэрри, осчастливив маму уймой радостных подробностей, запахами, ощущениями.

Пробуждение вышло нелегким. Лицо и все тело были в поту, ноги и руки затекли. Я с трудом добрела до ванной и там надолго встала под обжигающий душ. В висках пульсировала кровь, дыхание сбивалось, в желудке жгло от кислотного рефлюкса.

Невероятно четкие образы Кэрри остались у меня в голове, по-прежнему стояли перед глазами. Что произошло этой ночью? Меня еще никогда не посещали такие сновидения – по той простой причине, что пережитое мной только что не было сновидением. Это было ЧТО-ТО ДРУГОЕ. Мысленная репродукция, сплетенная из нитей, способных максимально близко к действительности воспроизводить воспоминание. Реальность, которая РЕАЛЬНЕЕ самой реальности. Как долго продолжалась эта иллюзия? Несколько минут или несколько часов? Сыграла ли здесь роль подаренная Фантиной ручка? Какая разница? Главное, ко мне вернулась на мгновение моя дочь. Краткая, искусственная встреча с ней принесла мне больше пользы, чем вреда.

Я выползла из душа, лязгая зубами. Болело все тело: бока, спина, голова. Я провела еще несколько часов под одеялом, мысленно пересматривая то же самое волшебное кино. Потом, по-прежнему лежа в постели, я включила ноутбук, чтобы узнать, что за ручка ко мне попала.

Ручки марки Namiki, японские изделия, продавала в 1920-х годах во Франции и в Великобритании компания Альфреда Данхилла. Английского предпринимателя заворо-

жило это детище японских мастеров, их гениальная находка – покрывать традиционные эбонитовые ручки лаком, получаемым из только что срубленного кустарника, который немедленно заменяют новыми саженцами. Эта технология вкупе со сложностью покрытия перламутром и золотыми листочками делала каждый экземпляр «уникальным и волшебным», как гласили тогдашние рекламные буклеты.

Я выбралась из постели только днем, когда явился со своим еженедельным визитом Марк Рутелли. У нас установилась традиция беседовать по понедельникам у меня в кухне, за картофельными блинчиками с сыром, которые он покупал в «Ха-Ацлаха», кошерной бакалее еврейского квартала Уильямсберга. Бывший коп вел тщательное расследование: в частности, его занимал человек по имени Хасан, прошедший со мной полночи накануне исчезновения Кэрри, и Амелита Диас, няня-филиппинка, приходившая от агентства, чтобы с ней посидеть. До сих пор его расследование не давало обнадеживающих результатов, однако Рутелли не ослаблял хватку и, в отличие от других сыщиков, с которыми я сталкивалась, не помышлял о том, что в исчезновении Кэрри могла быть хотя бы отчасти виновна я сама.

Но в этот раз я сразу увидела по его лицу, что у него появились новости. Он был весь помятый, всклокоченный, как будто ночевал в машине, но опухшие глаза непривычно сверкали.

– Вы что-то нашли, Марк?

– Радоваться еще рано, Флора, – предупредил он, опускаясь на табурет.

Устало стянув с себя куртку и отстегнув кобуру, он положил то и другое рядом с собой на стол. Как он ни старался выглядеть невозмутимым, вид у него был необычный. В этот раз он явился без гостинцев, но я все равно налила ему остатки вчерашнего вина и села напротив.

– Буду с вами честен, – начал он, открывая потертый кожаный кейс. – Перлман, куратор из ФБР, уже в курсе, что я вам расскажу.

Мое сердце пронзила боль, словно в меня воткнули кол.

– Что вы раскопали, Рутелли? Скорее выкладывайте!

Он вооружился старым ноутбуком и картонной папкой.

– Дайте объяснить по порядку.

Я так нервничала, что залпом выпила полстакана Мерсо. Бывший коп прищурился и достал из кармана несколько фотографий.

– Я не рассказывал вам, что уже несколько недель назад стал следить за вашим издателем... – Говоря, он разложил передо мной сделанные при помощи телеобъектива снимки.

– За Фантиной? Зачем?

– Почему бы нет? Она входит в ваш ближний круг и нередко сидела с Кэрри...

Я покосилась на снимки. Фантина на улицах Гринвич-Виллидж, Фантина выходит из своей квартиры в Сохо, Фантина на рынке на Юнион-сквер, Фантина разглядывает

дамские сумочки перед бутиком «Селин» на Принц-стрит. Фантина, всегда одетая с иголки...

– Что же вам дала эта слезка?

– Не много, – признался Рутелли. – Во всяком случае, до вчерашнего дня.

Он указал на два последних снимка. Фантина в темных очках, в джинсах и в изящной курточке перед витриной не то антикварной лавки, не то букинистического магазина.

– Это Writer Shop, писательский магазин в Ист-Виллидж.

– Ни разу о нем не слышала.

– Фантина купила там ручку.

Я объяснила полицейскому, что речь идет, наверное, о ручке Dunhill Namiki, подаренной мне Фантиной накануне, чтобы вернуть меня в седло. Он сильно заинтересовался и попросил показать ему ручку. Я показала, умолчав о своем сне: не хватало выставить себя сумасшедшей перед единственным человеком, готовым мне помочь!

– Вы должны кое-что знать об этой ручке, – сказал коп. –

По слухам, она принадлежала Вирджинии Вулф.

– Какая здесь связь с моей дочерью?

– Сейчас объясню. Магазин Writer Shop специализируется на реликвиях и на личных вещах знаменитых писателей. – Говоря, Рутелли зашел на веб-сайт магазина. – Там можно приобрести за заоблачную сумму одну из трубок Сименона или, скажем, ружье, из которого вышиб себе мозги Хемингуэй.

Я пожала плечами.

– Это типично для нашего времени. Настоящих книголюбителей становится все меньше. Теперь людей интересует не произведение, а автор: его жизнь, физиономия, прошлое, сексуальные партнеры, всякая чушь, которую он постит в соцсетях. Все что угодно, лишь бы не читать.

– Меня заинтересовал этот магазин, – продолжил гнуть свое коп. – Дай, думаю, присмотрюсь поближе! Зашел, прикинулся коллекционером, потом стал писать им электронные письма.

Он открыл свою почтовую программу и развернул ко мне экран.

– Вот что мне ответил владелец.

5.

От кого: Writer Shop – Ист-Виллидж

Кому: Марку Рутелли

Тема: Выдержка из нашего каталога

Дорогой сэр,

по вашей просьбе предлагаем ознакомиться со списком выставленных на продажу предметов, не фигурирующих на нашем сайте. Надеюсь на соблюдение конфиденциальности и выражаю готовность предоставить более полные сведения.

*Всегда к вашим услугам,
Шатан Богат, директор.*

– Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (1740–1814)

Два итальянских пейзажа кисти Жан-Батиста Тьерса, принадлежавшие маркизу. Сюжет – развалины, среди которых разворачивались оргии, описанные в романе «История Жюльетты, или Успехи порока».

– Оноре де Бальзак (1799–1850)

Кофейник (лиможский фарфор) с инициалами Н.В., принадлежавший автору «Человеческой комедии». Этот кофейник был лучшим другом Бальзака: писатель выпивал в день до полусотни чашек кофе и работал порой до 18 часов в сутки. Некоторые объясняют его преждевременную смерть в возрасте 51 года злоупотреблением кофеином.

– Кнут Гамсун (1859–1952)

Фотография лауреата Нобелевской премии по литературе 1920 г. Кнута Гамсуна в компании канцлера Адольфа Гитлера.

– Марсель Пруст (1871–1922)

«В сторону Свана. Париж, «Бернар Грассе», 1914 г.
Первое издание (1/5) на императорской японской бумаге, принадлежало мадам Селесте Альбаре.

Обложка книги сделана из синего атласного покрывала,

взятого из спальни, где Марсель Пруст проводил в конце жизни большую часть времени.

– Вирджиния Вулф (1882–1941)

Черная лакированная ручка марки Dunhill Namiki, оформленная в японском стиле. Подарена автору «Миссис Дэллоуэй» в 1929 г. ее подругой и любовницей Витой Сэквилл-Уэст с запиской «Прошу, во всей этой никчемной жизни оставайся неизменной яркой звездой» и с флакончиком «волшебных чернил». Вирджиния пользовалась этой ручкой, когда писала роман «Орландо».

– Джеймс Джойс (1882–1941)

Набросок одного из «Грязных писем», давно запрещенных цензурой, которые писатель отправлял своей жене Норе в 1909 г.

– Альбер Коэн (1895–1981)

Красный шелковый домашний халат в черный горошек, писатель носил его, когда писал «О вы, человеческие братья».

– Владимир Набоков (1899–1977)

Три дозы морфия в инъекциях (20 мг/мл), принадлежавшие В.Набокову.

– Жан-Поль Сартр (1905–1980)

Мескалин в порошке и шприц. Использовались французским философом для стимуляции воображения во время работы над пьесой «Затворники Альтоны».

– Симона де Бовуар (1908–1986)

Синий узорчатый тюрбан из шерсти альпаки, принадлежавший Симоне де Бовуар.

– Уильям С. Берроуз (1914–1997)

Револьвер калибра 38.

Оружие, из которого У. Берроуз убил 6 сентября 1951 г. свою жену Джоан Воллмер Адамс. В Мексике, за выпивкой, желая похвастаться меткостью и повторить подвиг Вильгельма Телля, американский писатель попросил жену поставить себе на голову бокал с шампанским, выстрелил и промахнулся.

Сигарета с марихуаной, найденная в кармане У. Берроуза, умершего 2 августа 1997 г. от сердечного приступа.

– Роальд Даль (1916–1990)

Плитка шоколада марки Cadbury, принадлежавшая Р. Дально и вдохновившая его на написание повести «Чарли и шоколадная фабрика».

– Трумен Капоте (1924–1984)

Урна с прахом автора «Завтрака у Тиффани».

– **Джордж Р. Р. Мартин (род. 1948 г.)**

Компьютер Osborne с программой редактирования текстов Wordstar, на котором был написан первый том «Игры престолов».

– **Натан Фаулз (род. 1964 г.)**

Миндально-зеленая бакелитовая пишущая машинка марки Olivetti, на которой был написан роман «Американский городок», удостоенный в 1995 г. Пулитцеровской премии (прилагаются два чернильных ролика).

– **Роман Озорски (род. 1965 г.)**

Часы Patek Philippe. Вечный завод, арт. 3940G. Подарок французскому писателю от жены по случаю выхода весной 2005 г. его романа «Исчезающий человек». На крышке гравировка: «Ты – и покой, и смятение моего сердца». [См. Ф. Кафка «Письма к Фелиции»]

– **Том Бойд (род. 1970 г.)**

Ноутбук PowerBook 540с, подарок подруги калифорнийского писателя Кароль Альварес, на котором он написал первые два тома «Трилогии ангелов».

– **Флора Конвей (род. 1971 г.)**

Розовая бархатная тапочка с помпоном. С правой ноги. Принадлежала дочери писательницы Кэрри, загадочно исчезнувшей 12 апреля 2010 г.

6.

– Кто хозяин магазина? – спросила я, отрывая взгляд от экрана.

– Некто Шатан Богат. Проходимец, несколько раз был осужден за торговлю подделками.

– Ничего удивительного. Держу пари, что большинство этих предметов – ненастоящие. Тапочка моей дочери – и по-прежнему. Все это чепуха, Рутелли.

– ФБР тоже так считает. Но чтобы убедиться в своей правоте, им придется допросить Шатана Богата.

За несколько минут радостное волнение сменяется унынием. Сенсация оказалась дутой. Я не смогла скрыть от Рутелли свое разочарование.

– Я пойду, Флора. Простите, что поманил вас ложной надеждой.

Я сделала вид, что не так уж огорчена, и поблагодарила его за старания. Прежде чем уйти, он настоял, чтобы я отдала ему «ручку Вирджинии Вулф» для лабораторного анализа.

Оставшись одна, я снова испытала острое желание исчезнуть. Раствориться. Нырнуть так глубоко, чтобы никто уже не мог поднять меня на поверхность. Для этого я прибегла к

тому же ритуалу отключения, что накануне: откупорила бутылку вина и запила вином успокоительное. Потом достала школьную тетрадь и пожалела, что отдала Рутелли ручку, хотя знала, что все, чем набита моя голова, – самообман, игра воображения. Правда, у меня остался флакон с чернилами. С ВОЛШЕБНЫМИ ЧЕРНИЛАМИ. Открыв флакон, я обмакнула указательный палец в густую жидкость с оранжевым отливом и так, пальцем, написала на тетрадном развороте кривыми лохматыми буквами:

ХОЧУ ОПЯТЬ УВИДЕТЬ КЭРРИ ЗА ЧАС ДО ЕЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Моя мысль закружилась по магическому кругу: у меня затеплилась нелепая надежда, что этот ритуал откроет окошко в прошлое, перенесет меня в день исчезновения дочери. Под действием своего усыпляющего коктейля я долго бродила по квартире, потом рухнула на кровать. За окнами наступила ночь. Комната и мое сознание погрузились в темноту. У меня путались мысли. Реальность искривилась, в темных углах забрезжили странные картины. Передо мной возник лифтер, вроде тех, что служили когда-то в больших отелях, – в алой расшитой ливрее с золотыми пуговицами и галунами, а главное, со страшной головой: удлиненной, с уродливыми ушами и огромными кроличьими зубами.

– Учтите, что бы вы ни предприняли, финала истории вам

не изменить, – предупреждает он меня, открывая решетчатую дверь лифта.

– Я писательница, – отвечаю я, входя в кабину. – Финал определяю я сама.

– В своих романах – может быть, но не в реальной жизни. Писатели силятся управлять миром, но мир иногда сопротивляется.

– Не пора ли спускаться?

– Вам в тридцать шестое подземелье? – осведомляется он, закрывая двери.

4. Чеховское ружье

За все в жизни надо платить, только смерть бесплатна, но и она имеет стоимость – вашу жизнь.

Эльфрида Елинек. Перед закрытой дверью

1.

День чудесный, прозрачный и солнечный, как часто бывает в Нью-Йорке весной. Холл школы Монтессори в Маккаррен-парк залит солнцем. Некоторые родители, томящиеся в коридоре, не снимают темные очки. Резко распахивается одна из дверей, и из класса вываливаются, радостно смеясь, два десятка ребятишек от трех до шести лет. Я ловлю на лету Кэрри, и мы выходим на улицу. У нее хорошее настроение, отсюда решительный отказ сесть в коляску и желание шагать рядом со мной. Каждые три шага Кэрри останавливается, поэтому до лавки Марчелло на углу Бродвея мы добираемся целых полчаса. Кэрри очень тщательно выбирает фруктовое пюре и вафельные трубочки с лимоном, чтобы по пути в «Ланкастер» все это проглотить.

– У меня кое-что для тебя припасено, красавица, – обращается к ней Тревор Фуллер Джонс, наш новый привратник,

когда мы входим в вестибюль.

Он протягивает Кэрри медовый леденец с кунжутом и берет с нее слово, что она не сразу его слопает. Потом говорит, что ей ужасно повезло с мамой-сочинительницей, наверняка рассказывающей ей перед сном чудесные сказки.

– Раз вы такое говорите, значит, не открывали ни одного моего романа.

– Что верно, то верно, – соглашается Тревор, – с этой работой у меня нет времени на чтение.

– Вы не уделяете времени чтению, Тревор, это разные вещи, – отвечаю ему я, прежде чем закрываются двери лифта.

Мы с Кэрри следуем привычному ритуалу: я поднимаю ее, чтобы она сама нажала кнопку нашего, последнего этажа. Кабина с железным скрежетом ползет вверх; мы обе давно уже не пугаемся этого звука.

Войдя в квартиру, Кэрри, помня правила хорошего тона, первым делом переобувается в розовые тапочки с помпонами. Потом идет за мной и смотрит, как я ставлю на проигрыватель пластинку – вторую часть концерта соль мажор Равеля, – хлопая в ладоши в предвкушении музыки. Несколько минут она держится за мой подол, дожидаясь, пока я развешу белье после стирки, потом требует поиграть с ней в прятки.

[Меня колотит, я чувствую, что эта реконструкция недолговечна, как мыльный пузырь. Я боюсь, что окно в прошлое внезапно захлопнется и я не успею узнать что-то важное.]

– Хорошо, милая.

– Иди в свою комнату и считай до двадцати!

Кэрри меня провожает, чтобы убедиться, что я действительно отвернулась к стене и закрыла глаза.

– Не жульничай, мама!

И она бежит прятаться.

Я, закрывая ладонями глаза, принимаюсь громко считать:

– Раз, два, три...

Слышу осторожные шажки Кэрри по паркету. Она покидает комнату, и у меня сжимается сердце.

– ...четыре, пять, шесть...

Под хрустальные ноты адажио я слышу, как она пересекает гостиную, толкает наше стильное кресло, стоящее посреди гостиной. Я потрясена, обессилена, музыка гипнотизирует, повергает в протрацию.

– ...семь, восемь, девять...

Я открываю глаза и заглядываю в гостиную в тот самый момент, когда Кэрри сворачивает в коридор. Я не должна терять ее из виду. Чтобы ее не спугнуть, я продолжаю считать:

– ...десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

Я тоже пересекаю гостиную. Солнце, заслоненное небоскребами, заливают все нереальным светом. Квартиру окутывает мерцающая вуаль. Я осторожно, стараясь остаться незамеченной, выглядываю в коридор.

– ...четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать...

Кэрри открывает своими маленькими ручками хозяй-

ственный чулан и у меня на глазах залезает внутрь. Не может быть! Я двадцать раз шарила в этом проклятом чулане.

– ...семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

Я, щурясь, с замиранием сердца крадусь по залитому светом коридору. Истина совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

– Двадцать.

Я распахиваю на себя дверцу чулана, мне в глаза сыплется золотая пыль. Закручивается слепящий амбровый тайфун, в нем проступает силуэт человека-кролика в одежде швейцара. Его уродливый рот открывается, и я слышу:

– Что бы вы ни делали, вам НИКОГДА не изменить конец истории!

И он раздражается гадким смехом.

2.

Я рывком проснулась и в испуге подпрыгнула. Оказывается, я лежала поперек кровати. В комнате было нечем дышать. Я встала, чтобы прикрутить отопление, и немедленно улеглась опять. Горло пересохло, веки распухли, виски сдавило как обручем. Кошмар, превзошедший живостью реальность, оставил меня растерянной и почти бездыханной, как после целой ночи отчаянной беготни. Я пролежала еще четверть часа, но мигрень не унялась, а только усугубилась, сделалась нестерпимой. Пришлось заставить себя встать, добре-

сти до ванной и проглотить две капсулы диклофенака, запив несколькими стаканами воды. Шею парализовало, пальцы скрючились, как при артрите, пришлось разминать их ладонями. Так не могло продолжаться.

Раздался оглушительный звонок домофона. Я нажала кнопку и увидела лицо Тревора, привратника «Ланкастера».

– Здесь опять журналисты, миссис Конвей.

Час от часу не легче!

– Какие журналисты?

– А то вы не знаете!

Я помассировала себе виски, чтобы хотя бы немного унялась жуткая головная боль.

– Им нужны вы. Что им сказать?

– Чтобы проваливали.

Я выключила связь, нашла в гостиной очки для дали и выглянула в окно.

Тревор не соврал: на тротуаре напротив «Ланкастера» сгрудились два десятка журналистов. Стервятники, крысы, гиены – неизменный зверинец, регулярно собирающийся в надежде попировать на трагедии – исчезновении моей дочери. Я в который раз изумилась, как люди доходят до подобной низости, как умудряются заниматься такой гадостью день за днем, во что заставляют себя верить, чтобы заглушить угрызения совести, что рассказывают по вечерам своим детям о прошедшем дне...

Почему они собрались такой толпой именно сегодня?

Я взяла телефон, чтобы проверить сообщения, но он разрядился. Подключая зарядку, я увидела, что Рутелли забыл на рабочем столе кухни свою кобуру с пистолетом. Отвернувшись от «глока» – огнестрельное оружие всегда вселяло в меня ужас, – я включила телевизор и стала перебирать новостные каналы.

Долго искать не пришлось.

К новостям о деле об исчезновении малышки Кэрри Конвей. 50-летний мужчина, задержанный вечером, отпущен без предъявления обвинения. Шатан Богат, хозяин антикварного магазина в Ист-Виллидж, выставил на продажу тапочку Кэрри Конвей, которую девочка якобы носила в день ее исчезновения. Идентичность предмета не подтвердилась, а г-н Богат признал, что неудачно пошутил. Расследование возвращается в прежнее состояние, а оно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.